

Учёные
записки
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
ТОМСКАЯ
ПИСАНИЦА

УДК 94(574) (637)

DOI 10.24412/2411-7838-2023-17-140-158

ПИСАНИЦЫ ГОРЫ КОКЕНТАУ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

З. С. Самашев

*Институт археологии им. А. Х. Маргулана;**Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей*

Работа посвящена характеристике новых памятников наскального искусства бронзового века, выявленных в Восточном Казахстане. Все рисунки выполнены красной охрой. Писаницы зафиксированы в одиннадцати гротах, расположенных на северном склоне горного массива Кокентау. Основную массу изображений составляют стилизованные антропоморфные фигуры с короткими руками и ногами и, нередко, со сдвоенными корпусами, выполненными в геометрическом стиле. В репертуар входят различные символы в виде прямоугольников или треугольников, ромбов, решётчатых фигур, а также животные, которые в совокупности составляют сюжеты, организованные в круговые и линейные композиции, иллюстрирующие мифоритуальные представления создателей этих полотен.

Ключевые слова: охра, писаницы, образы, сюжеты, грот, антропоморфная фигура, геометрические знаки, бронзовый век

THE ROCK ART OF THE KOKENTAU MOUNTAIN IN EAST KAZAKHSTAN

Z. S. Samashev

*Margulan Institute of Archaeology;**East Kazakhstan Regional Museum of Local History*

The paper characterizes new Bronze Age rock art sites in East Kazakhstan represented by images made in red ochre. The images were found in eleven rock shelters located on the northern slope of the Kokentau mountain range. The images are mainly represented by stylized anthropomorphic figures with short arms and legs and often with doubled bodies depicted in geometric style. The repertoire includes various symbols in the form of rectangles or triangles, rhombuses, lattice figures, as well as images of various animals, which together form circular and linear compositions illustrating some mythological ideas of their creators.

Keywords: ochre, rock art sites, images, plots, rock shelter, anthropomorphic figure, geometric signs, the Bronze Age

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения Анатолия Ивановича Мартынова – одного из самых уважаемых учёных в бывшем СССР, который на сегодняшний день остаётся старейшим аксакалом среди археологов на пространстве всего СНГ. Он на протяжении нескольких десятилетий связан тесными узами с казахстанской археологической наукой и целым поколением казахстанских археологов, в повышении квалификации которых, как глава кемеровской археологической школы, принимал непосредственное участие и тем самым внёс существенный вклад в развитие науки нашей страны.

Юбилею Анатолия Ивановича посвящается данная статья.

Введение

С верхнего палеолита известна традиция нанесения изображений в пещерах и гротах, особенно на территории Франко-Кантабрийской области. Животных, людей и символические знаки рисовали красной (реже других цветов) охрой и традиция использования этого красителя не прерывалась до бронзового века, расширяя при этом свои пространственные параметры и сферы применения в системе жизнедеятельности. Охра, благодаря своему красно-бордовому цвету, который ассоцииро-

вался, возможно, с кровью или огнём, становится символом жизни и смерти и активно используется в различных обрядах.

Известны примеры применения красной охры в погребальной практике. Например, племена катакомбной культуры Донецкого Приазовья и Северного Донца в Восточной Европе практиковали уникальный обычай рисовать красной охрой на дне катакомб стопы человека, зигзаги, кресты, овалы, треугольники, восьмёркообразные, спиралевидные и другие знаки и класть в могилу инструменты, с помощью которых наносились эти изображения. Подобные погребения интерпретировались как захоронения художников [Санжаров, 1989, рис. 4]. В этом плане особый интерес представляют и росписи Каракола на Алтае [Кубарев, 2013].

Рисунки красной охрой наносились исключительно (или преимущественно) на поверхности гранитоидов, под навесами, в гротах, нишах, т. е. древними художниками учитывалась необходимость их защиты от прямого воздействия ветра и влаги, а возможно, были и другие причины, связанные с представлениями пространственно-

семантического или семиотического порядка. Важным требованием при выборе грота для рисования образов, символов и знаков являлось, по-видимому, наличие расположенных рядом площадок, пригодных для совершения коллективных и многократных действий.

Ниже рассмотрим некоторые сюжеты писаниц, выявленные нами в 2020 г. при обследовании одиннадцати гротов.

Археологический комплекс, в состав которого входят писаницы, находится в северном предгорье Кокентау, западнее одноимённого села Абайской области Республики Казахстан. Рисунки могли принадлежать создателям поселенческих и погребально-поминальных объектов бронзового века, известных на данной территории [Доумани Дюпюй и др., 2020]. Погребальные сооружения и выложенные в определённом порядке остатки конструкций древних жилищ встречаются на обширных участках по берегам горных речек и маркированы родниками, деревьями и кустарниками. Все гроты Кокентау также приурочены к руслам ныне пересохших горных речек (рис. 1).

Рис. 1. Панорама участка северного предгорья Кокентау с наскальными изображениями и другими видами археологических памятников

Рисунки нанесены на вертикальные стены с козырьками-навесами или без них, на стены небольших гротов складчатых останцов из крупнозернистого гранита, которые в результате выветривания обрели самые причудливые формы и силуэты.

Основной грот-навес

Наиболее многочисленные и разнообразные по репертуару писаницы зафиксированы на восточной стене неглубокого грота на одном из останцов, сложенных складчатыми гранитами (рис. 2).

Грот имеет в верхней части сильно выступающий козырёк-потолок. Основная масса рисунков нанесена красной охрой на нижнюю часть козырька, также есть изображения на выступающих блоках, образующих стену грота (рис. 3; 4). Возможно, что многофигурная композиция изначально была спланирована с учётом кругового обзора.

Центральным среди изображений на потолке является «сложносоставная фигура антропоморфного облика», образованная из соединения контурных человеческих фигур (рис. 5). В центре этого сложносоставного ансамбля расположена схематическая фигура человека в полный рост. У неё двумя короткими линиями в виде развилки обозначены ноги, слегка опущены вниз под углом руки, а «голова» показана на длинной шее. Можно предположить, что древний художник пытался изобразить

крупную фигуру человека в центральной части композиции в перспективе и на переднем плане.

К изображению человека в центре плотно примыкают с обеих сторон по три спаренные «рамчатые» фигуры, образованные из вертикальных параллельных полос с короткими развилками на концах. Последние обозначают, по-видимому, человеческие конечности.

Итак, семь человеческих фигур, имеющих конкретные содержания (и особые формы выражения), соединившись между собой, образуют некий монолитный символ, связанный, скорее, с образом какого-то антропоморфизированного божества из религиозного пантеона населения бронзового века.

Данная фигура как целостное знаково-коммуникативное явление может быть ассоциирована у древнего населения с образом небесного первопредка (шамана), руки которого трактованы в виде распростёртых крыльев парящей в небесах птицы.

Относительно числовой символики заметим, что здесь явно присутствует значение $1 + 6 = 7$ или с учётом сдвоенности боковых фигур можно указать на другое количество: $1 + 12 = 13$. Создатели данного полотна, вероятно, придавали какое-то значение числовому выражению фиксированных событий или отражённых в этих изобразительных текстах мифологем.

Рис. 2. Гранитный останец с писаницами

Рис. 3. Навес основного грота с писаницами

Рис. 4. Навес и стена основного грота с рисунками.
Общий вид козырька с изображением круговой композиции

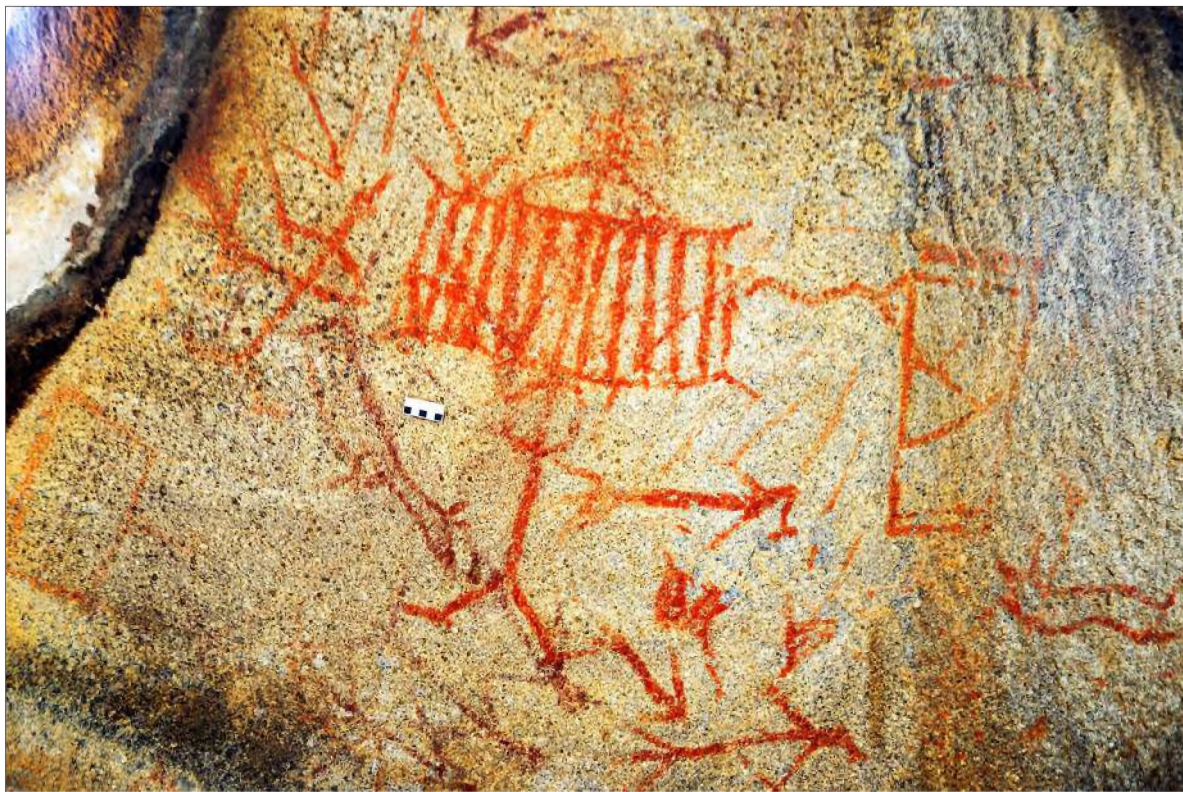

Рис. 5. Центральное панно из соединённых фигур «антропоморфного облика»

Рассматриваемая фигура имеет некоторые иконографические и семантические параллели среди памятников наскального изобразительного искусства бронзового века Алтайской горной системы и других соседних регионов и трактуется исследователями как символ женщины-прародительницы [Дэвлет, Дэвлет, 2005, с.138–145]. В нашем случае у всех фигур явных мужских признаков также не просматривается.

Что касается контекста соединённых антропоморфных фигур, то они находятся в самом центре так называемой круговой композиции. Вокруг них расположены в разных ракурсах схематически выполненные фигуры людей, небольшие символические знаки, а также изображения животных.

Описываемые изображения с двух сторон соединяются с прямоугольными геометрическими фигурами. Внутри прямоугольного знака справа, со сдвоенными боковыми линиями, помещён треугольник, возможно, обозначающий вход в символическое сакральное пространство.

Между двумя схематически выполненными крупными изображениями людей,

ниже и левее них, помещена контурная фигура какого-то длинноухого копытного животного (рис. 6). У животного корпус прямоугольный, за исключением неровной линии живота. На фоне корпуса изображена едва заметная прямая полоска, как бы разделяющая тело на две части.

Ноги животного показаны прямыми короткими линиями. У передней ноги будто бы подчёркнуты мышцы. Намечен короткий хвост. Шея длинная, вытянута вперёд и едва расширяется к основанию, её венчает треугольных очертаний голова, морда животного слегка заострена. На голове чётко показаны длинные уши, направленные вверх. Несмотря на чёткость изображения, видовую принадлежность животного трудно определить.

Заметим, что цвет красителя, использованного для выполнения этого животного, несколько темнее, чем у отмеченных выше антропоморфных фигур.

Видовая принадлежность другого изображённого животного определяется как лошадь (рис. 7). Эта контурная фигура выполнена в лаконичной манере, тем не менее, за счёт сильно вогнутой линии спины

и живота, а также мощно выступающей холки, лебединой шеи и особой посадки головы подчёркивается экспрессивность и внутренняя сила животного, предназначенного, судя по перевернутой позе, для жертвоприношения в честь какого-то божества.

Фигура кокентауской лошади по манере исполнения близка к широко распространённому в петроглифах Центральной Азии изображению этого животного в так называемом сейминско-турбинском стиле.

Из числа росписей на потолке навеса-козырька отметим также знак-символ, отдалённо напоминающий личину (рис. 8). Абрис изображённой фигуры напоминает овально вытянутый пятиугольник, разделённый на две равные части вертикальной полосой. Просматривается овальная линия рта и круглые глаза. Цвет охры несколько темнее, чем у соседних изображений.

Смысловое содержание данного рисунка можно связывать в некоторой степени с антропоморфизированной личиной-мас-

Рис. 6. Контурное изображение зооморфной фигуры с длинными ушами

Рис. 7. Контурная фигура лошади

Рис. 8. Фигура, напоминающая личину, выполненная охрой коричневого цвета

кой, используемой во время мистериальных действий. Изображения личин широко распространены в петроглифах Центральной Азии, Сибири и некоторых других регионов и связаны с определёнными мировоззренческими ориентирами народов указанных территорий на разных этапах бронзового века.

В завершение характеристики рисунков на потолке навеса укажем на группу

крайне схематических изображений человечков и неопределённых знаков, расположенных рядом и выше изображения прямоугольной фигуры с двумя треугольниками внутри (рис. 9; 10).

Антропоморфные фигуры расположены без какого-либо порядка, как бы изображены по круговому принципу и разбросаны. Только два или три персонажа показаны взявшимися за руки. Одна из антропоморфных фигур отличается более тёмным оттенком краски. Рядом с ней находится фигура человека в перевёрнутом положении, с сильно согнутыми ногами и направленной вперед стопой. Одна рука персонажа согнута в локтевом суставе и поднята вверх.

Человечки данной группы «привязаны» к упомянутой подпрямоугольной геометрической фигуре-знаку и, по-видимому, связаны между собой не только планиграфически, но и по сюжетной линии сообщаемой информации.

Подпрямоугольная геометрическая фигура со вписанными двумя треугольниками, вершины которых направлены друг к другу, но не соприкасаются между собой (рис. 10), является центром некоего сак-

Рис. 9. Антропоморфные изображения возле прямоугольной геометрической фигуры у основания навеса

рально отмеченного поля, вокруг которого разворачиваются события, связанные с ритуалом, возможно, с жертвоприношением в честь каких-то божеств пантеона и т. д.

Одна из длинных стен данного прямоугольника слабо изогнута в наружную сторону, что придает абрису фигуры несколько неправильное очертание.

Прямоугольник с «входом» сбоку является, возможно, обозначением домостроения эпохи, но неясным пока остаётся значение двух вписанных треугольников, напоминающих крышу жилища в вертикальной проекции (вид сверху).

Другая подпрямоугольно-овальная фигура с внутренними делениями и с «входом» ближе к углу (рис. 11), видимо, больше связана с идеей жизнеописания социума через символическое изображение многокамерного жилища и представлениями людей бронзового века о пространстве-времени, благополучии, жизни и смерти [Дэвлет, Дэвлет, 2005, с. 304, 305]. В то же время не исключено, что короткие полоски внутри «ограды» могут символизировать людей в жилище.

Изображения комплекса жилищ, образующих некие освоенные пространства –

Рис. 10. Прямоугольная фигура с разрывом и двумя треугольниками, обращёнными друг к другу вершинами

Рис. 11. Изображение многокамерного жилища (?)

Рис. 12. Урочище Оралбай на Тарбагатае. Изображение поселения бронзового века

целые поселения – часто встречаются среди петроглифов бронзового века. В качестве примера укажем на изображения в урочище Оралбай на Тарбагатае в Восточном Казахстане (рис. 12).

Следующая группа рисунков расположена на стене гранитного останца, ближе к линии её пересечения с потолком (рис 12; 13), что в плане мировоззренческих струк-

турных характеристик можно рассматривать как место соединения небесного свода с приземлённой сферой мироздания. Следовательно, и в репертуаре композиций должны были отразиться соответствующие миропредставления их создателей.

Фриз, образованный складчатой структурой скалы, содержит горизонтально организованную композицию, в центральной

Рис. 13. Фриз в нижней части стены грота с изображениями человечков и фигуры животного

Рис. 14. Зооморфная фигура (фрагмент композиции)

части которой помещена крупная контурная фигура копытного животного (рис. 13).

Видовую принадлежность изображённого здесь животного определить трудно, хотя просматриваются некоторые признаки быка или коровы. У животного крупная голова с короткими рогами, обозначено ухо, короткие ножки (рис. 14).

Внутри контурного изображения корпуса зверя заметны преднамеренно нанесённые (при проведении каких-то ритуально-обрядовых действий?) красителем точки, короткие полосы (шерсть?), что может косвенно указывать на жертвенную сущность изображённого животного.

Над спиной ниже контура живота рядом с ножками и перед головой животного более тёмной по цвету краской нанесены дополнительные линии, что позволяет предполагать возможность включения, наряду с окружающим ландшафтным комплексом, и самих наскальных рисунков в контекст проводимых здесь древними людьми ритуально-обрядовых действий.

У передних ног животного изображён человек с крупной головой и в горизонтальном положении. Поза человека представлена в композиционной связи с фигурой «жертвенного» животного.

По четырём сторонам фигуры животного расположены пляшущие, «взявшиеся за руки» и «лежащие» антропоморфные персонажи. Человеческие фигуры, расположенные с правой стороны от вышеуказанной зооморфной фигуры, демонстрируют какое-то коллективное действие «взявшихся за руки» персонажей (рис. 15).

Это довольно часто фиксируемый на обширной территории от Забайкалья до Урала сюжет, особенно на писаницах бронзового века. Безусловно, он связан своим происхождением с практикой проведения культово-ритуальных мистерий (составным элементом которых являлось жертвоприношение животных и человека в определённой последовательности) в соответствии с циклами природного (календарного) характера.

Самые близкие им по сюжету и иконографии антропоморфные образы запечатлены в гроте Сартынбет, который находится примерно в 60 км к западу от г. Усть-Каменогорска (рис. 16).

Следующий фриз с писаницами, отделённый от предыдущего складками-трещинами на стене, расположен ближе к основанию останца. Здесь привлекают внимание своей загадочностью короткие вер-

Рис. 15. Изображения «взявшихся за руки» человечков (фрагмент композиции)

Рис. 16. Сартынбет. Фигуры «взявшихся за руки» человечков

Рис. 17. Вертикальные чёрточки, «вырастающие» из горизонтальной основы

тикальные полосы, вырастающие из слабо выгнутой платформы с одним слегка приподнятым концом (рис. 17). Верхние концы некоторых чёрточек заметно утолщены, что позволяет предполагать их связь с идеей антропоморфизма.

В правой части грота, на вертикальной стене нарисовано множество изображений, главным образом, антропоморфных фигур, но большая часть из них сохранилась очень плохо.

Другие гроты

Они также содержат интересные мотивы, образы и сюжеты, однако по количеству рисунков значительно уступают вышеописанному.

Прежде всего отметим писаницу в небольшом гроте, расположенном у подножья сопки Ушайыр, южнее исследуемых сейчас поселения и могильника бронзового века (рис. 18).

Возле останца с гротом зафиксировано ещё несколько погребальных сооружений. Писаницы грота локализованы по композиционному построению и тематике сюжетов на разных плоскостях. По количеству рисунков данный грот уступает лишь предыдущему.

На основной плоскости грота расположены схематические изображения людей, геометрические знаки и неопределимые, сохранившиеся очень плохо, фигуры (рис. 19).

В верхней части композиции изображена неопределённая фигура, близкая к антропоморфной (рис. 20). В середине композиции – плохо сохранившиеся фигуры животных и людей.

В нижней части этой группы рисунков находится одно изображение, похожее на фигуру парящей птицы (рис. 21). В то же время не исключается вероятность полиморфизма – в основе семантики данного образа лежит идея человека-птицы.

Правее этой фигуры помещены схематичные изображения людей (рис. 22). Ниже, на другой складке стенообразующего блока грота, также нарисованы чёрточки, которые соединены короткими поперечными линиями.

Другая группа рисунков несколькими ярусами размещена в правой части данного грота (рис. 23).

В верхней части яруса запечатлена фигура мужчины, который держит предмет, похожий на палицу (рис. 24).

Фигура человека, несмотря на некоторый схематизм в трактовке корпуса, за счёт положения ног и, особенно, рук, держащих палицу и наносящих ею удар, обладает некоторой динамикой.

Ниже отмеченной фигуры человека с палицей запечатлены, по-видимому, совершающие какие-то действия люди. Сохранность рисунков слабая.

Рис. 18. Малый грот с писаницами

Рис. 19. Малый грот. Общий вид многофигурной композиции

Рис. 20. Малый грот. Неопределённая фигура (фрагмент верхней части композиции)

Рис. 21. Малый грот. Изображение парящей птицы (?) (фрагмент композиции)

Рис. 22. Знаки-символы в виде коротких вертикальных чёрточек (фрагмент композиции)

Рис. 23. Малый грот. Группы изображений в правой части стены грота

Рис. 24. Малый грот.
Человек с палицей

На нижней складке чётко нанесены два сложносоставных геометризированных изображения (рис. 25). Левое изображение напоминает фигуру горного козла в перевёрнутом положении, в то же время не исключено, что оно передаёт иной смысл. Правая фигура усложнённая, внутри прямоугольника по сторонам показаны два маленьких треугольника, между

ними – человек в перевёрнутом положении (?). Возможно, изображение символизирует какое-то помещение.

В правой части грота изображена группа животных – горные козлы и неясные фигуры (рис. 26).

Следующий грот небольшой, к нему ведут ступеньки из складчатых выступов (рис. 27), на его стенах запечатлены люди, ромбовидный решётчатый знак и другие, плохо сохранившиеся изображения.

Фигура решётчатого ромба представляет интерес в плане маркировки определённых объектов ландшафта и в обозначении пространственных характеристик окружающей среды в целом (рис. 28, 29).

В одном из следующих гротов сохранились изображения людей, расположенные вокруг прямоугольной геометрической фигуры с треугольниками внутри. Вершины треугольников направлены вверх, внутри них просматриваются точки (рис. 30). Левее и ниже этого знака показаны несколько антропоморфных персонажей, заключённых в прямоугольники. Встречаются знаки в виде косо́го креста.

Рис. 25. Малый грот. Геометрические фигуры

Рис. 26. Малый грот, правая часть стены. Изображения животных

Рис. 27. Общий вид самого дальнего от исследуемого поселения и могильника грота

Отметим также небольшую контурную фигуру животного, сохранившуюся внутри одного из следующих гротов (рис. 31), изображённую в динамике.

Остальные гроты и навесы с писаницами зафиксированы в непосредственной близости от исследуемых погребальных сооружений и поселений, которые приурочены к водным источникам, местам обильных травостоев, хорошо защищённых от ветра. Такие благоприятные для жизнедеятельности участки осваивались людьми на протяжении тысячелетий, вплоть до этнографической современности, и маркированы развалинами казахских зимовок.

Рис. 28. Композиция на стене одного из гротов, состоящая из решётчатого ромба, антропоморфных и геометрических фигур

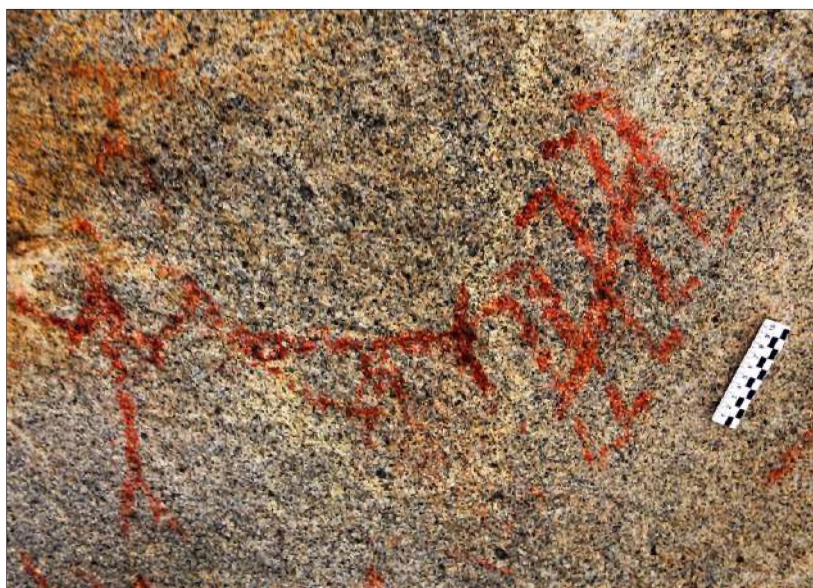

Рис. 29. Фрагмент композиции. Решётчатый ромб

Рис. 30. Фрагмент композиции. Изображения геометрических знаков и человечков

Рис. 31. Контурное изображение зооморфной фигуры

Погребальные сооружения содержали разнообразные данные об обрядовой практике и особенностях материальной культуры населения эпохи бронзы.

Материалы раскопок поселений показали, что некоторые жилища перестраивались неоднократно, поскольку, как свидетельствуют данные радиоуглеродного анализа, они относятся к разным периодам эпохи палеометалла, а самый нижний культурный пласт охватывает новокаменный век [Доумани Дюпюй и др., 2020, с. 74, 80]. Судя по материалам раскопок, жители поселений занимались скотоводством и металлургией. В могилах были найдены семена лекарственных трав (*Polygonum aviculare*), которые могли быть использованы во время транса при проведении культовых обрядовых церемоний и прочих действий.

При раскопках были найдены фрагменты керамической посуды, покрытые красной краской (рис. 32), что наглядно демонстрирует широкое применение охры в погребально-культовой практике.

Заключение

Исследования писаниц у горы Кокентау показывают, что здесь сконцентрированы одни из интереснейших на территории нашей страны памятников наскального искусства, которые хорошо синхронизируются с материалами расположенных рядом погребальных сооружений и поселений бронзового века, что даёт надёжное основание для их совокупного использования при разработке вопросов производственной деятельности общества, при реконструкции культово-обрядовой практики и мировоззрения населения региона в эпоху палеометалла.

Наскальные изображения, выполненные красной охрой (нередко с использованием её разных оттенков), имеют некоторые специфические особенности (использование закрытых или полузакрытых пространств, исключительно светлых поверхностей гранитных пород, возможность многократного подновления и подправки при многократных посещениях, наличие «культовых площадок» возле скопления рисунков и др.), которые учитывались древними людьми при проведении религиозно-мистериальных действий с внедрением в их контекст цветных знаков семиотико-коммуникативного содержания.

Для основной массы писаниц региона (включая и Северо-Восточный Казахстан) характерны близкие мотивы, образы и сюжеты, прежде всего, абсолютное преобладание в репертуаре аналогичных по стилю антропоморфных образов. Естественно, вызывают ряд вопросов выразительные и содержательные элементы антропоморфных изображений, символические знаки, геометрические фигуры разных форм и размеров. Зооморфные мотивы пока уступают вышеуказанным по численности.

Очень много неясных и неопределённых рисунков, в основном из-за их плохой сохранности под воздействием неблагоприятных природных факторов.

Что касается сюжетных линий, то пока не зафиксированы столь излюбленные в наскальном искусстве сцены охоты пещих лучников (они отсутствуют в репертуаре кокентауских писаниц).

Как мы отмечали выше, некоторые рисунки, объединённые в многофигурные композиции, могут отражать идею жертвоприношения животных (естественно, в честь какого-то божества).

Как мы отмечали выше, некоторые рисунки, объединённые в многофигурные композиции, могут отражать идею жертвоприношения животных (естественно, в честь какого-то божества).

Рис. 32. Поселение Кокентау. Орнаментированная и ангобирванная керамика бронзового века

Многочисленные «хороводы», изображения «взявших за руки» человечков, безусловно, связаны с какими-то ритуально-обрядового характера действиями, но их конкретное содержание сложно уловить по расположению фигур.

Довольно много изображений прямоугольников, нередко с человеческими фигурами внутри, дополнительными полочками, треугольниками, которые, возможно, передают какие-то идеи, связанные с домовладениями, культом жилища. В ряде мифологем прямоугольные геометрические знаки, решётчатые фигуры, треугольники и др. связаны с пространственными

характеристиками структуры окружающего мира.

Использование красной охры в восточной части Евразийского степного пространства для создания наскальных рисунков в разные периоды эпохи палеометалла не следует однозначно связывать с какими-то миграционными волнами с запада (носителями ямной культуры), Ближнего или Среднего Востока (Зараут-Камар, Шахты, Куртеке, Сийпанташ, Аксакалатасай), поскольку оно, в большей степени, вытекает из контекста внутреннего развития культур местного происхождения.

Литература

Доумани Дютой П. Н., Жунисханов А. С., Буллион Э., Рахманкулов Е. Ж., Киясбек Г. К., Ташманбетова Ж. Х., Исин А. И., Меркл Э., Гумирова О. Археологические исследования памятника Кокен (Восточный Казахстан): Предварительные результаты // Маргулановские чтения-2020: Материалы международной научно-практической конференции «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы, 2020. Т. 2. С. 70–83.

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. М.: Алетейа, 2005. 472 с.

Кубарев В. Д. Загадочные росписи Каракола. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2013. 75 с. + илл.

Санжаров С. Н. Охра в изобразительной деятельности племен эпохи средней бронзы Донетчины // Советская археология. 1989. № 2. 97–107.